

Миронов Евгений

28.01.2004

ЕВГЕНИЙ МИРОНОВ: «НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПЛАСТИЛИНОМ В РУКАХ РЕЖИССЕРА»

ВСТРЕТИТЬСЯ с Мироновым удалось на съемочной площадке. Актер, воспользовавшись перерывом, собрался перекусить. Несмотря на то что ему мешали подкрепиться, Женя согласился побеседовать.

Судьба телеграфиста

- Хотите бутерброд?
- Нет, спасибо. Лучше расскажите о своей новой работе у Алексея Учителя.

- Дело происходит в 1957 году. Я играю персонажа по имени Колек, повара по профессии. Он увлекается боксом и мечтает о том, как человек покорит космос. Кем он по задумке режиссера станет в конце картины, я еще не знаю, но вообще это фантазер, необыкновенный по своей непосредственности. Миндадзе написал акварельный до прозрачности сценарий, там почти нет истории, и сейчас Алексей Учитель и оператор Юрий Клименко наполняют его жизнью.

- Вы ведь сами в детстве писали пьесы. Каков был их сюжет?

- Так, дурацкие какие-то. Я их писал, а потом ставил в школе.

- Еще и сами ставили?

- Просто, кроме меня, в нашей школе этим некому было заниматься. Это делалось для уроков защиты профессии, были у нас такие. Надо было выбрать какую-нибудь профессию и «защитить» ее. Нашему классу достался телеграфист. Я написал об этой профессии пьесу, и мы ее сыграли. Еще играли «Красную Шапочку». Я сделал из этой сказки мюзикл на музыку оперы «Аида». Сам играл во время представления на разных инструментах.

- Главные роли тоже вы играли?

- В «Красной Шапочке», конечно, нет. Там главной героиней была моя сестра Оксана. А остальные роли распределились между одноклассниками. А вот в пьесе про телеграфиста главная роль досталась мне.

- Почему вместо того, чтобы штурмовать театральные вузы столицы, вы поступили в Саратовское театральное училище?

- Так сложилось. К четырнадцати годам у меня уже не было терпения учиться в школе, а хотелось начать учиться профессии. В Москве четырнадцатилетних не принимали, а ждать восемнадцати у меня не было сил. Я и поступил в училище.

«Мнение окружающих меня мало волнует»

- Актер очень зависим от режиссерского выбора. Как вам кажется, кто кого сейчас выбирает - вы или вас?

- В последние годы выбираю я. И это еще сложнее. Когда тебя выбирают, ты безответственен - плывешь как бревно по течению. Когда выбираешь ты, важно не ошибиться, проявить интуицию. В такой ситуации появляется от-

ветственность. Ответственность перед собой. Мнение окружающих меня волнует меньше всего. Пушкин ведь все написал по поводу мнения окружающих. Если я буду честен перед собой, я буду честен перед другими.

- Вы как-то говорили, что не хотите быть только пластилином в руках режиссера. Но для этого нужно найти режиссера-соавтора. Кто для вас такой режиссер?

по безумному ритму сериала. Поверьте, что-то в этом есть. Я человек экстремальный, люблю экстремальные ситуации, в них человек всегда мобилизуется и выдает результат лучше обычного. «Идиот» был для меня такой экстремальной ситуацией. У нас было мало времени. Из-за этого я был вынужден вступать в конфликты. Однажды нужно было быстро начинать снимать - пока не взошло солнце, но я настоял

- Думаю, что Володя Машков. Мы с ним одного поля ягоды, соратники, давно знаем друг друга. Наконец, мы друзья. Мне с ним по-хорошему легко. С другими, особенно с режиссерами-монстрами, - тяжело, потому что у каждого в голове свои тараканы. С ними непросто найти контакт, непросто договориться - у большинства режиссеров свой взгляд на то, как это надо играть, и он, может быть, не совпадает с моим. От этого начинаются сложности. Но у меня не было ни разу, чтобы в такой ситуации я не смог найти компромисс. Если я скажу: «Да пошел ты», развернусь и уйду, то победителей не будет ни с той, ни с другой стороны. Искать такие компромиссы очень мучительно, потому что, если мне что не нравится, я это состояние терпеть не могу. Если я не чувствую того, что должен чувствовать, то просто физически не смогу сыграть эту роль.

на том, что мы не готовы к этой съемке и снимать нужно на следующий день, когда лучше подготовимся. Такие роли нельзя играть в суеде. В последние съемочные дни я не выходил из кадра двадцать два часа. У меня тек грим, отклеивались усы и борода. Это были самые сложные сцены, я снимался с нашатырным спиртом. Но необходимость мобилизоваться помогала. И сейчас, когда на съемках неторопливо и качественно ставят свет, я скучаю по сериалу. Но все равно считаю, что сериалы вещь опасная.

- Опасная потому, что можно снять плохое кино?

- Опасная потому, что здесь от тебя зависит еще меньше, чем в большом кино. Если там можно остановиться, подумать и исправить ошибку, то в сериале исправить ничего нельзя - поезд ушел. Там идет бешеный поток - деньги и время. Чуть-чуть зазевался, и все - плюнул в вечность. Особенно если это такой сложный материал, как Достоевский.

- А какой была ваша первая мысль после предложения играть князя Мышкина?

- Мне сразу стала понятна вся мера ответственности, и никакой легкости, радости и счастья я не испытывал. Я даже какое-то время считал, что играть Льва Николаевича Мышкина в сериале очень опасно. Я долго и серьезно все взвешивал, советовался. Потом решил.

- С кем советовались?

- С теми, с кем я обычно советуясь.

- В таких ролях, как князь Мышкин, нужно уподобиться чистому листу бумаги. Это не грозит сумасшествием для самого себя?

- Грозит. Когда ты начинаешь заниматься этой ролью серьезно, то появляется опасность. И нужна была какая-то грань, какое-то чувство меры.

- До какого предела вы готовы дойти в этом процессе?

- У русских артистов начала века было такое увлечение - внедриться в чужую среду и какое-то время пожить под именем совершенно другого человека. Окунуться в другую жизнь не на сцене, а в действительности. Этим увлекался, насколько я знаю, в период Гражданской войны Михаил Чехов. Эта игра опасна тем, что можно заиграться и потом уже не выйти из образа.

С Кончаловским - легко, С Бортко - тяжело

- С Андреем Кончаловским вам тоже тяжело работало? Он режиссер-тиран или уже руководствуется западной стратегией, где актер и режиссер - партнеры?

- По системе работы скорее последнее. У него все достаточно продумано и отлажено на съемочной площадке. Сам он относится к работе безо всякой вымученности, с невероятной легкостью. Но это не Голливуд так на него повлиял. Андрон Сергеевич сам по себе такой.

- С легкими людьми вообще легче работаете?

- Легче, но не значит, что лучше. Все относительно. Иногда ведь нужны мучения.

- Как вам работало с Бортко в «Идиоте»?

- С Бортко я долго не мог найти точек соприкосновения. У нас обоих был совершенно разный взгляд на эту работу. Но так получилось, что в какой-то момент мы объединились.

Сериалы - вещь опасная

- Вас не смущал сериальный формат «Идиота»?

- Смущал безумно. Но сейчас, снимаясь в полнометражном художественном фильме, я скучаю

Елена НЕКРАСОВА
Фото Владимира БЕРТОВА

